

С этими словами он закрыл окно. Сюй Сицзин несколько мгновений стоял в оцепенении, не понимая, что произошло, и наглотавшись выхлопных газов. Он передал пакеты Лао Суну, и тот на этот раз без лишних слов покорно отнёс их в свой микроавтобус.

Съёмки затянулись до ночи. Осенний вечер в степи уже порядком озяб, и к концу рабочего дня все дрожали от холода. У Сюй Сицзина нос покраснел. Лао Сун накинул на него вещи, привезённые Цинь Цзэюанем. Сюй Сицзин скривил губу, но в борьбе между теплом и гордыней выбрал первое.

Фэн Тин, сидя рядом, уткнулась в телефон и вдруг вскрикнула:

— Ого! Карену врезали! — И тут же пустилась в пучину сплетен:

— Смотри, смотри! Тот самый, из группы, которого Карен вечно задирает, — Ли Сяньян. Его ассистентка мне сказала, что Карен сегодня явился в компанию в огромной маске, всё лицо опухшее!

Сюй Сицзин не выдержал и перебил:

— Лицо опухло — и сразу «врезали»? Может, уколы делал, да отёк не сошёл? Вечно ты о людях худшее думаешь.

Фэн Тин обиженно всплеснула руками:

— Нет! Ты послушай! Сегодня в жёлтой прессе вышла статья! Вчера вечером Карен выходил из элитного жилого комплекса — всё лицо рукой прикрывал. Сфоткали, когда он ещё и ревел. Ну просто...

Фэн Тин продолжала перемывать косточки, но Сюй Сицзин уже всё понял. Наверняка неугомонный Карен явился к Цинь Цзэюаню и его новому фавориту выпрашивать внимание, а в итоге был унижен и получил пощёчину.

В нём тут же шевельнулось щемящее чувство обречённости. Если пассивно ждать, пока Цинь Цзэюань его выбросит, участь будет та же, что у Карена — стать посмешищем. Но если уйти самому... Да, за спиной тоже будут смеяться, но хотя бы тень достоинства сохранится.

Вернувшись в отель, он увидел Цинь Цзэюаня, сидящего в его номере. Сюй Сицзин опешил:

— Ты ещё здесь? Я думал, ты уехал.

Цинь Цзэюань похлопал по месту рядом:

— Садись.

Сюй Сицзин не двинулся с порога. Цинь Цзэюань усмехнулся:

— О? Значит, Цинь Хайпину можно у тебя посидеть, а мне нельзя? Ты даже в одной комнате со мной дышать не хочешь? Так далеко стоишь.

Сюй Сицзин плюхнулся на противоположный конец дивана. Цинь Цзэюань снова усмехнулся. Сюй Сицзину эта усмешка показалась похожей на ту, что возникает, когда дразнят кошку или собаку, и внутри у него всё взбунтовалось.

— Чего ты вообще хочешь? Два часа лететь, чтобы мне нервы трепать?

Цинь Цзэюань, уже снявший пиджак, ослабил галстук и развалился на диване, с лёгким интересом наблюдая за его вспышкой. Видя, что тот не реагирует, Сюй Сицзин сдулся. Цинь Цзэюань произнёс снова:

— Садись сюда.

Порыв противостоять уже угас. Сюй Сицзин нехотя подошёл и сел.

Едва он опустился, как Цинь Цзэюань вцепился ему в подбородок, заставляя встретиться взглядом. Тот, словно вожак, обходящий свои владения, убедившись, что в глазах Сюй Сицзина затаился страх, негромко произнёс:

— Что-то ты похудел. Видно, съёмки тяжёлые.

Сюй Сицзин, не понимая подвоха, пробормотал:

— Да нет, нормально.

Цинь Цзэюань проигнорировал ответ. Он отпустил подбородок, обнял за плечи и сказал:

— У тебя только Фэн Тин — одной ассистенткой не обойтись. Девушка она, тяжёлую работу не потянет. Подберу тебе ещё одного помощника.

В голове у Сюй Сицзина натянутая струна дрогнула. Он хотел отказаться, но Цинь Цзэюань крепко сжал его плечо и легко, почти весело продолжил:

— Человека я уже привёз, ждёт внизу. Пусть Лао Сун проинструктирует. Не волнуйся, парень толковый, раньше ассистентом работал, готовить умеет отлично. После переезда матушка Чжан, в годах уже, с тобой не поехала. Пусть новый тебя домашней едой подкормит.

Цинь Цзэюань и вправду будто приехал по делу: пока Сюй Сицзин ужинал, тот не выпускал из рук телефон. Сюй Сицзин не стал с ним разговаривать и при первой возможности сбежал. Весь день на подвесной системе — тело ныло и гудело. Он решил принять ванну. На всякий случай, опасаясь внезапного вторжения, запер дверь ванной изнутри.

Может, вода была подобрана идеально, может, аромат благовоний слишком расслаблял, а может, он и вправду вымотался — Сюй Сицзин задремал прямо в ванне, и ему приснилось давнее прошлое.

Ему снился день его шестнадцатилетия. Цинь Цзэюань, следуя семейному обычаю, велел слугам устроить для него праздничный ужин и разрешил позвать друзей.

Друзей у Сюй Сицзина не было. Единственным гостем стал непрощенный Цинь Хайпин.

Тогда в душе Сюй Сицзина шевельнулось чувство вины: Цинь Цзэюань хлопчет о его дне рождения, а он с Цинь Хайпином тем временем вытягивают жилы из его нового проекта.

План, который Цинь Хайпин тогда предложил, был прост до безобразия: Сюй Сицзину нужно было проникнуть в кабинет Цинь Цзэюаня и выкрасть план нового проекта конгломерата. Всё остальное Цинь Хайпин брал на себя.

Его уговоры были словно дурман:

— Разве ты не хочешь устроить Цинь Цзэюаню маленькую месть? Смотри, проект лопнет — он

много не потеряет, зато поймёт, что тебя не стоит заирать. Чего ты ждёшь? Подумай, как здорово будет нанести удар прямо в день твоего рождения! Боишься, что он перестанет тебя содержать? Да ладно, потери для него — копейки. В крайнем случае, я через свою семью отправлю тебя за границу.

Сюй Сицзин и впрямь пошёл красть. План лежал прямо на столе в кабинете. Сердце колотилось как бешеное. Держа в руках папку, он ощущал нереальность происходящего: «Неужели я и вправду предаю старшего брата? Я делаю то, что навредит ему». Он уже хотел вернуть всё на место, но Цинь Хайпин перехватил его, бережно упаковал документы и удалился.

Вопреки сюжетам романов и сериалов, когда за праздничным столом Сюй Сицзин произнёс: «Твой план проекта утёк», — на лице Цинь Цзэюаня не дрогнул ни один мускул. Ни тени удивления или страха.

Он смотрел на них, словно на детей, играющих в песочнице.

— О? Правда? А откуда ты знаешь?

Сюй Сицзин занервничал и начал запинаться:

— Потому что... потому что это я его утёк. Я не дам тебе держать меня в ежовых рукавицах!

Цинь Цзэюань кивнул:

— А, не хочешь, чтобы я тебя контролировал. Ещё какие-нибудь обвинения есть?

Сюй Сицзин опешил от такой реакции. В этот момент Цинь Хайпин почтительно протянул папку Цинь Цзэюаню:

— Старший брат, я даже не знаю, что на него нашло. Вдруг принёс мне этот новый проект конгломерата, говорит: «Распространи». Ещё умолял помочь. Я подумал — старший брат всегда к нему так хорошо относился, как я могу пойти против совести? Вот, держите, я даже листок не перевернул.

Цинь Цзэюань бросил на него косой взгляд. Сюй Сицзин никогда не видел, чтобы Цинь Хайпин так пресмыкался. Тот подобострастно улыбался:

— Тогда, старший брат... насчёт тех пробелов в отчётности моего отца за последние два квартала... может, проявите снисхождение?

Цинь Цзэюань взял папку и швырнул её на стол.

— Вали отсюда.

Цинь Хайпин, почуяв гнев, поспешно ретировался. За столом остались только они двое.

Цинь Цзэюань смотрел на остолбеневшего Сюй Сицзина, и в его глазах играла усмешка.

— Сяо Цзин, и ты повёлся на такую топорную агитацию? В детские игры играете? Не смешите меня. С вашим-то уровнем, если историю рассказывать — только позорить моё имя.

Сюй Сицзин всё ещё не мог прийти в себя. Цинь Цзэюань снова усмехнулся, вертя в пальцах блестящую ложку.

— Столько лет растил — и выкормил змею на груди. Поздравляю, ты меня удивил.

И тут Сью Сицзин резко поднял голову:

— Если бы не твой отец, который должность занимал спустя рукава, в нашей деревне не случилось бы наводнения! Мне бы не пришлось, чтобы ты меня содержал!

— О-о! Значит, ещё и кровная вражда? Выходит, я зря тебя содержал?!

<http://bllate.org/book/16267/1463727>